

**ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ В РОССИИ:
О. М. КОВАЛЕВСКИЙ, В. П. ВАСИЛЬЕВ, А. М. ПОЗДНЕЕВ¹**

© Полянская Оксана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: PolGrab@mail.ru

Статья посвящена основным направлениям научного монголоведения в России, в развитии которых прослеживается преемственность методов изучения, исследования и подготовки новых кадров востоковедов в российских университетах. Преемственность и сложившиеся с начала XIX в. традиции в изучении исторического и культурного наследия монгольских народов свидетельствуют об единой, целостной научной школе монголоведения России, в которой в силу исторической обусловленности в разное время ведущую роль играл какой-либо из центров: в первой половине XIX в. — Казань, во второй — Санкт-Петербург, на рубеже XIX–XX вв. — Восточный институт во Владивостоке. Среди многочисленных значимых фигур российского востоковедения О. М. Ковалевский, В. П. Васильев, А. М. Позднеев занимают особое место, их деятельность связана с вышеназванными востоковедными центрами, они не только оставили богатое научное наследие, но и были организаторами востоковедного образования в России, стояли у истоков науки о Востоке, определив перспективные направления развития востоковедения. Они являются основателями российского востоковедения, определившими значимые этапы в развитии науки о Востоке. основополагающий начальный этап развития монголоведения проходил в стенах Казанского университета, где О. М. Ковалевский сформулировал основные задачи и приоритетные направления монголоведческих исследований. В. П. Васильев под руководством О. М. Ковалевского изучил в совершенстве монгольский язык, сделал переводы сочинений по философии с монгольского, тем самым продолжив начатое учителем изучение философии буддизма. Полагаясь на опыт и традиции своей альма матер, В. П. Васильев развивал востоковедное образование в Санкт-Петербургском университете, являясь долгое время деканом восточного факультета (открытого в 1855 г.). В свою очередь, ученик В. П. Васильева А. М. Позднеев продолжает экспедиционную деятельность по изучению традиций и быта монгольских народов, приоритетным направлением которой остается значимость буддизма для монголов. Кроме того, он развивает идею О. М. Ковалевского и В. П. Васильева о специализации выпускников-востоковедов, т. е. утверждает значимость практического востоковедения. А. М. Позднеев воплощает эту идею в создании Восточного института во Владивостоке, главная задача которого заключается в подготовке востоковедов-практиков, не только знающих

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев») и Бурятского государственного университета (проект № 19-11-0502 «Научное наследие монголоведов России (вторая половина XIX — начало XX вв.)»).

язык, но и способных погрузиться в какую-либо сферу жизни восточного государства: правовую, экономическую, политическую, историю или географию.

Ключевые слова: научная школа монголоведения в России; история монголов; О. М. Ковалевский; В. П. Васильев; А. М. Позднеев; Казанский университет; Санкт-Петербургский университет; Восточный институт во Владивостоке.

TRADITIONS AND CONTINUITY IN DEVELOPMENT OF THE SCHOOL
OF MONOLIAN STUDIES IN RUSSIA:

O. M. KOVALEVSKIY, V. P. VASILYEV, A. M. POZDNEEV

Oksana N. Polyanskaya

Cand. Sci. (History), A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: polgrab@mail.ru

The article is devoted to the mainstream of Mongolian studies in Russia, which is characterized by the continuity of research methods, and philosophy of training Orientalists at Russian universities. Continuity and traditions in the investigation of historical and cultural heritage of the Mongolic peoples that had been developed since the beginning of the 19th century point to the fact that there was a holistic scientific school of Mongolian studies in Russia, within which due to historical conditionality at varying times one of the centers played the leading role: in the first half of the 19th century it was Kazan, in the second half — St. Petersburg, at the turn of the 19th–20th centuries — Oriental Institute in Vladivostok. Among the many significant figures of Russian Oriental studies O. M. Kovalevsky, V. P. Vasilyev, and A. M. Pozdneev occupy a special place, their activity was associated with the above Oriental centers of the 19th–20th centuries, they not only left a rich scientific heritage, but also were the organizers of Oriental education in Russia, and fathers of Oriental science, who identified the promising areas for development of Oriental studies and did a lot to solve the defined scientific problems. They are the pillars of Russian Oriental studies, whose activity determined the significant stages in development of Oriental science. Fundamental initial stage of Mongolian studies development took place in Kazan University, where O. M. Kovalevsky defined the main tasks and priority areas of this science. V. P. Vasiliev under the supervision of O. M. Kovalevsky perfectly studied the Mongolian language, made translations of Mongolian works on philosophy; thereby he continued the study of Buddhist philosophy begun by his teacher. In reliance on the experience and traditions of his alma mater, V. P. Vasiliev developed Oriental education at St. Petersburg University, for many years he was a dean of Oriental Faculty (opened in 1855) of St. Petersburg University. In turn, V. P. Vasilyev's student A. M. Pozdneev continued expeditionary activities aimed at the study of the Mongolic peoples' traditions and life; the importance of Buddhism for the Mongols remain a priority. In addition, he developed O. M. Kovalevsky and V. P. Vasiliev's idea about the specialization of Orientalists, i.e. affirmed the importance of practical oriental studies. A. M. Pozdneev embodied their idea in establishment of Oriental Institute in Vladivostok, which main task is training of Orientalists-practitioners, who should not only have language skills, but also could indulge in any sphere of life of the Eastern countries: legal, economic, political, historical or geographical.

Keywords: the school of Mongolian studies in Russia; the history of the Mongols; O. M. Kovalevsky, V. P. Vasilyev; A. M. Pozdneev; Kazan University; St. Petersburg University; Oriental Institute in Vladivostok.

Систематическое изучение языка, истории, культуры монгольских народов началось с открытия первой в Европе кафедры монгольского языка в Казанском университете (1833) и связано с именем Осипа Михайловича Ковалевского, возглавившего эту кафедру. О. М. Ковалевскому вместе с Александром Васильевич Поповым по возвращении из научной командировки (1828–1833), во время которой они изучили монгольский язык, познакомились с бытом, духовной культурой монгольских народов, предстояло создать учебные пособия, словари, программы для студентов Казанского университета и продолжить научные исследования по монголоведению. Особое внимание О. М. Ковалевский уделял обучению монгольскому языку, главной составляющей этого процесса должно было стать общение с носителем языка. С этой целью он приглашал «надзирателя» — воспитателя для студентов. Одним из первых воспитателей стал Галсан Никитуев, затем его сменил Галсан Гомбоев, в дальнейшем известный ученый-монголовед. Г. Никитуев, и Г. Гомбоев — забайкальские буряты, приехавшие в Казань по приглашению руководства университета и инициативе О. М. Ковалевского, который установил дружественные связи с представителями сибирской интеллигенции, буддийским духовенством края. Учениками монголоведа из бурят стали Доржи Банзаров и Алексей Бобровников, труды которых были высоко оценены современниками и отмечены государственными наградами. Особое место среди учеников О. М. Ковалевского принадлежит академику Василию Павловичу Васильеву, создавшему фундаментальные труды по востоковедению, преимущественно по синологии. Китаеведение стало для В. П. Васильева главным направлением деятельности после его командировки в составе Российской духовной миссии в Пекин (1840–1850), однако начинал он свою работу на поприще монголоведения. Одной из важных форм подготовки кадров востоковедов, оказавшейся наиболее эффективной из всех, являлись командировки в страны Востока, их инициатором стал ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский. Долгие годы такие командировки были обязательными для востоковедов, оставленных при университетах «для подготовки к профессорскому званию». В результате поездок к забайкальским бурятам, а также в Монголию и Китай (1828–1833) О. М. Ковалевский получил хорошую школу для своего становления как монголоведа. Осознавая это, он впоследствии настаивал на командировании В. П. Васильева в Пекин на 10 лет в составе Российской миссии с целью изучения восточных языков (китайского, маньчжурского, тибетского, санскрита), буддизма, приобретения рукописей и книг для библиотеки университета. Студенты восточного факультета Санкт-Петербургского университета, следуя этой традиции, также отправлялись зарубеж или на восточные окраины России для «совершенствования языка». Как правило, эти командировки становились для них отправной базой дальнейших исследований. Авторитетный ученый-монголовед, организатор востоковедческого образования в России Алексей Матвеевич Позднеев свою первую командировку в Монголию совершил будучи студентом Санкт-

Петербургского университета. Профессор, заведующий кафедрой монгольской словесности К. Ф. Голстунский¹ добился для него разрешения принять участие в экспедиции 1876–1878 гг. Императорского русского географического общества под руководством Г. Н. Потанина [13, с. 149]. А. М. Позднеев привез из командировки богатую коллекцию книг, составившую в последствие «позднеевский фонд» библиотеки восточного факультета. Научные командировки способствовали не только становлению будущих ученых-монголоведов, но и обогащали библиотеки университетов ценными книгами на восточных языках, ксилографами. Путешественники также привозили интересные предметы быта и религиозного культа восточных народов. Традиционно ученые из командировок возвращались с переписанными или приобретенными на средства университета и даже личными или подаренными книгами. Перемена Пекинской духовной миссии в 1830 г. дала возможность О. М. Ковалевскому посетить Китай и обогатить университетскую библиотеку многими весьма редкими сочинениями на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках, всего им было привезено 189 наименований в 1 433 книгах и 48 рукописях [8, с. 260–262]. Напутствуя В. П. Васильева на поездку в Китай, Осип Михайлович должное внимание в своем «Наставлении»² уделил приобретению книг, Васильев должен был пополнить библиотеку университета сочинениями, которых еще не было в ее фондах [15, с. 132]. В дальнейшей переписке вновь возвращаясь к этому вопросу, О. М. Ковалевский уточнял: «... Нужным почитаю присовокупить, что... необходимо постараться приобрести важные книги тибетские и монгольские, изданные вне Пекина, при разных монастырях; не упускать из виду санскритских буддийских книг, равно и книг, печатанных и рукописных, принадлежащих жителям Туркестана, Джунгарии» [15, с. 133–134]. В итоге за годы, проведенные в Китае, В. Васильевым было составлено богатое собрание книг: «... я не упускал случая приобретать все, что только мне кажется годным или что могу отыскать — особенно китайских книг у меня большая коллекция, все важные исторические сочинения, между которыми 100 томов (не книгами) истории всех династий, я не упустил даже прозаических и поэтических китайских сочинений. Китайский Ганжур и Данжур тоже почти все 200 томов (китайский том равен почти двум тибетским). Маньчжурские книги собраны почти все, сколько их есть в печати и в рукописях. По части тибетских книг (светского характера) я не совсем счастлив. Вообще же тибетских книг по части буддизма, его истории в Тибете весьма немало... Из монгольских книг я отыскал еще меньше. После того, что Вы вывезли из Пекина, нечего и отыскивать в здешних лавках... В последнее время я приобрел множество монгольских красивых книг... среди них попались два тома из Данжура на монгольском языке и история желтошапочной школы (ламаизма — *О. П.*), перевод одного знаменитого тибетского сочинения» [15, с. 134–135]. Таким образом,

¹ Голстунский Константин Федорович — выпускник Казанского университета, был переведен в Санкт-Петербург в числе других преподавателей восточного разряда из Казани.

² Ковалевский О. Наставление отправляющемуся в Пекин господину Васильеву // ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 22–28 об.

О. М. Ковалевский, В. П. Васильев и А. М. Позднеев продолжали работу по созданию источниковедческого фонда по изучению монгольских народов.

За годы учебы в Казанском университете В. П. Васильев под руководством О. М. Ковалевского в совершенстве изучил монгольский язык и получил основательные знания по буддийской литературе. Все это позволило ему подготовить выпускную работу — исследование сочинения, входящего в буддийскую каноническую энциклопедию Ганджур, «Дух буддийского сочинения Хутухту Дэгэду Алтан Гэрэлту Судур» («Сутра Золотого блеска»). Так был сделан первый шаг к изучению буддизма. В дальнейшем В. П. Васильев продолжил изучение буддийской философии и в 1839 г. защитил магистерскую диссертацию «Об основаниях буддийской философии» [19, с. 97]. «... Работы Василия Павловича были такие, что если бы тогда же были напечатаны, то изучение буддизма двинулось бы сразу по крайней мере на тридцать лет», — написал впоследствии, вспоминая своего учителя, С. Ф. Ольденбург [12]. Первыми научными исследованиями стали работы В. П. Васильева, посвященные буддийской философии, что не было случайностью. О. М. Ковалевский целенаправленно подводил своего студента к изучению буддийских догм, зная его способности понимать религию на основе монгольских, тибетских и китайских источников. Изучение религиозного мировоззрения народов О. М. Ковалевский считал приоритетным направлением в монголоведении, и сам он одним из первых стал заниматься философией буддизма, а в 1835 г. написал «Буддийскую космологию». Понимание важности изучения религии О. М. Ковалевский передал и своему ученику. В. П. Васильев в предисловии к работе «Религии Востока» [3, с. 1–2] особо подчеркивал: «Ничто не может так познакомить нас с человеком, как его религия... От нее зависят законодательный, политический и общественный строй, она поселяется в сердце, направляет ум. Точно то же самое мы должны сказать и о религиях крайнего востока... Знакомство с этими религиями до сих пор едва-ли выходило из круга лиц, специально изучавших их...» [18, с. 171–176].

Важность изучения буддизма, его влияния на монгольские народы, роли буддийского духовенства развивает в своих трудах А. М. Позднеев: «...буддизм руководит не только всеми деяниями, но и суждениями и намерениями монголов...». В 1887 г. он издал свой фундаментальный труд «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями его, последнего, к народу», в основу которого легли материалы, собранные монголоведом во время первой командировки в Монголию в 1876–1878 гг. Ученый рассматривает жизнь и деятельность буддийских монастырей с точки зрения внутренней организации, религиозной обрядности. С учетом того, что духовенство определяло всю жизнь монголов, можно считать, что А. М. Позднеев сделал срез духовной и материальной культуры монгольских народов, существенно дополнив картину быта буддийских монастырей, написанную О. М. Ковалевским в начале XIX в. [11, 1829, ч. 26, кн. 7, с. 230–245].

Каждого из монголоведов интересовал вопрос о распространении ламства, росте его численности. В. П. Васильев вслед за О. М. Ковалевским, который в начале 30-х гг. XIX в. опубликовал свои наблюдения и ответы на поставленный в

«Казанском Вестнике» вопрос [11, 1829, ч. 26, кн. 7, с. 230–245], расширил представления об этом с учетом прошедшего времени. «Уже после заключения Кяхтинского трактата в 1727 г. Саввою Владиславовичем Рагузинским к бурятам перешли из Монголии 12 лам, и они начали дело обращения инородцев под русским владычеством. Ламы сначала действовали кроткими мерами: они учили калек, людей, считавшихся неспособными у кочевого народа, и, разумеется, было достаточно небольшой грамотности, которая развивает язык, делает краснобаем всякого в среде невежественной толпы, чтобы показать, что буддийская религия способна творить чудеса, сделать из никуда негодных людей — людей достойных» [18, с. 171–176]. Именно это, по мнению востоковеда, являлось одной из главных причин быстрого распространения буддизма. Религия давала знание, появлялись грамотные люди среди кочевников, пусть, даже они имели физические ограничения, что ущемляло их при кочевом образе жизни. В таких условиях физическая сила была приоритетной, тяжелые условия кочевой жизни диктовали и жесткие правила, возможность выполнения которых давала право на жизнь. Еще одной причиной стремительного распространения буддизма была последовательная, дальновидная политика лам. «Утвердившись, — рассуждал далее В. П. Васильев, — ламы приняли другую политику, приобретения влияния между значительными лицами, они начали преследовать шаманов и их приверженцев — грабили, убивали и даже жгли. И это под русским владычеством, против которого все, между тем, кричат, что оно насильно обращает в христианскую веру...» [18, с. 171–176]. Вернувшись из Китая в 1850 г. уже состоявшимся ученым, подготовившим фундаментальные труды, одним из которых был «Буддизм. Его догматы, история и литература», В. П. Васильев не нашел поддержки в дальнейшем их продвижении. Из трех написанных томов он смог опубликовать только два [5]. Несмотря на значительный объем этого труда, он был все же малой частью материалов по буддизму, его философии, истории зарождения и распространения, «тысячи листов рукописи так и остались неопубликованными, и многие из них погибли». В рукописи сохранился «Комментарий к Махавъютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон», который по замыслу В. П. Васильева должен был дать подробное толкование «9 565 буддийских терминов, собранных в словаре Махавъютпатти» [7, с. 305]. В архиве В. П. Васильева этот словарь сохранился «в двух больших переплетенных томах, из которых первый имеет 1 205 страниц автора, а второй — 922» [7, с. 305]. Здесь также прослеживается влияние его учителя О. М. Ковалевского, который часто сокрушался о том, что западные исследователи неправильно трактуют буддийское учение и в целом неверно понимают буддизм, относя его, порой, к языческим верованиям. В письме к попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину О. М. Ковалевский обращался: «...вспомните только буддизм и разнообразные о нем мнения европейцев... почитают его ровесником и соперником брахманизма, полагая, что оба произошли от одной древнейшей религии индийцев. Некоторые думали, что буддизм состоит в грубейшем суеверии, наносит жесточайший

вред человечеству, проповедует многобожие или идолопоклонничество с пагубными правилами...»¹. С целью создания общей унифицированной базы терминов по истории и философии буддизма О. М. Ковалевский начал работу над составлением терминологического словаря по буддизму. К сожалению, он также не был опубликован, осталась только его рукопись, которая сейчас находится в Редком фонде библиотеки Вильнюсского университета². Пояснения терминов написаны на русском и французском языках. Всего в рукописи 444 листа формата 22 см на 8,8 см.

Как бы печально это не звучало, но традиционным в истории отечественного монголоведения был и трагизм потери научного наследия востоковедов. Востоковедение, как мы не раз в своих публикациях отмечали это, носило государственный характер. Подъем каждого нового этапа в его развитии был связан с приоритетами во внешней политике Российского государства. Научные труды содержат необходимую информацию о народах, странах, которая представляла интерес с точки зрения успешности осуществления дипломатических контактов. Труды же, представлявшие собой продолжение изучения как-либо вопроса, его конкретизации и углубления, оставались в рукописи. На их издание не выделялось средств. В итоге они оставались неизвестными широкому кругу ученых, особенно зарубежных. В силу разных обстоятельств, связанных с историческими событиями или стихийными бедствиями, рукописи погибали, что, несомненно, трагично как для исследователя, так и для российской науки в целом. Были утеряны бесценные рукописи не только В. П. Васильева, но и его учителя О. М. Ковалевского, трагичной оказалась судьба богатой коллекции буддийских статуэток, собранной А. М. Позднеевым [17, с. 98–105], и многих других.

Однако, невзирая на трудности, востоковеды двигались вперед в изучении народов Востока, они понимали, как никто другой, и значимость практической направленности при подготовке студентов. «Кроме того, изучение востока, а следовательно, и его религии, имеет для нас, русских, особенный интерес; оно возбуждается не простым дилетантством в науке, но и существенную для нас потребностью. Фраза “призвание России — просвещать восток” не есть пустое выражение. Мы просвещаем его, расширяясь в нем, и нельзя еще определить границ, где мы остановимся. Нас толкает в Азию неизбежный ход исторических событий, даже против собственной воли» [18, с. 171–176]. Так, В. П. Васильев вслед за организаторами науки о Востоке в России М. Н. Мусиным-Пушкиным, Н. И. Лобачевским, О. М. Ковалевским и другими обозначил практическую направленность развития востоковедения, его непосредственную связь с внешнеполитическими задачами российского государства. Он долгие годы служил Восточному факультету Санкт-Петербургского университета, был деканом факультета (1878–1893) и заведующим кафедрой китайского языка, старался укреплять позиции факультета как центра по подготовке не только исследователей Востока, но практиков, которые бы хорошо знали современную им ситуацию

¹ ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4198. Л. 1. Об. 2.

² Редкий фонд библиотеки Вильнюсского университета. Фонд О. М. Ковалевского F11. Д. F11-2.

в восточных странах. «...Восточный факультет скромно продолжал служение на пользу государства, насколько ему позволяли средства, образовывая внутри себя собственных ученых для занятия кафедр; он мало-помалу наполнял и наши дипломатические миссии в Азии: многие консулы, драгоманы, даже резиденты и посланники считаются получившими ученые степени в нашем Университете» [6, с. 8–10]. Однако, Васильев понимал, что для работы в странах зарубежного Востока необходима была специализированная подготовка, для чего предлагал создание «Центрального учебного заведения восточных языков», положения которого он изложил в «Краткой записке об учреждении...»¹. Идея об организации учреждения по подготовке востоковедов-практиков в Петербурге начала постепенно осуществляться только в начале XX в. и была связана с деятельностью А. М. Позднеева. В 1905 г. ему дали поручение открыть «курсы востоковедения» в Петербурге при Обществе востоковедения, а в 1910 г. — провести работу по преобразованию этих курсов в Практическую восточную академию и подготовить проект ее деятельности. В этих учебных заведениях А. М. Позднеев состоял в должности профессора и директора, весь учебный процесс проходил под его непосредственным руководством [16, с. 106–117]. Этому предшествовало открытие Восточного института во Владивостоке, которое было актуализировано событиями на Дальнем Востоке рубежа XIX–XX вв. и начала XX в. А. М. Позднеев сначала в должности директора Восточного института во Владивостоке, а затем в должности чиновника Министерства народного просвещения и директора Практической восточной академии особенно подчеркивал, что в России, которая так тесно связана с Востоком и географическими, и историческими узами, должны быть учебные заведения разных уровней — от школ переводчиков до институтов и университетов, которые бы на высоком профессиональном уровне готовили востоковедов-практиков [16, с. 106–117].

А. М. Позднеев, хорошо зная ситуацию в странах Дальнего Востока, настаивал, что система организации востоковедного образования в России должна быть гибкой, наиболее приспособленной к требованиям реального времени. Поэтому обучение студентов в Восточном институте он выстраивал в соответствии с потребностью государства в специалистах-практиках. Несмотря на все нововведения, связанные с изучением современного Востока, А. М. Позднеев был продолжателем традиций монголоведного образования России [16, с. 106–117]. Он, как и его предшественники, основоположники научного монголоведения в Казани О. М. Ковалевский и А. В. Попов, для блестящего овладения монгольским языком студентами приглашал лекторов — носителей языка, он считал это одной из важных составляющих успешного обучения языку. Преемственность традиций преподавания, заложенных О. М. Ковалевским, наблюдается и в том, что на начальном этапе изучения языка необходимо «занимать постоянно студентов чтением и переводом с комментариями возможно большего числа текстов преимущественно исторического содержания, переходя от более легких, печатных, к труднейшим рукописным»². Восстанавливая традиции в подготовке востокове-

¹ Материалы... 1905. Т. 1. С. 66–67.

² Архив ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 151. Л. 45об.

дов, привнося новые методы в обучение, А. М. Позднеев отмечал, «что многое было утрачено восточным факультетом Петербургского университета в преподавании языков¹. «Восточный факультет возводил здание научного востоковедения», писал А. М. Позднеев в 1905 г., анализируя «организацию изучения Востока в русских учебных заведениях», — «не положив под него фундамента» в виде подготовительных двух лет, когда студенты получали бы элементарные знания в языке под руководством преподавателей². В связи с этим А. М. Позднеев по стопам В. П. Васильева предлагал реформировать факультет, чтобы он соответствовал ожиданиям и государства, и «полчищ студентов», жаждущих таких знаний, чтобы стать «достойными деятелями России»³.

История монгольских народов являлась одним из приоритетных направлений в исследовательской работе О. М. Ковалевского, В. П. Васильева и А. М. Позднеева. Синолог В. П. Васильев, как и Н. Я. Бичурин, ввел в научный оборот китайские источники, на основе которых написал монографию, посвященную истории монголов: «История и древности восточной части Средней Азии от X по XIII век с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах» [4]. В работе автор значительное внимание уделял истории киданий и чжурчженей, так как, по его мнению, «история этих двух династий составляет один из важнейших фактов среднеазиатской истории; без них мы не найдем даже причины появления Чингисхана и предводимых им монголов... [5, ч. 3], что стало новаторством в истории монголоведения. Написанием этой работы В. П. Васильев ликвидировал пробел в изложении истории народов Азии в книгах Н. Я. Бичурина «Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [1] и «История первых четырех ханов из дома Чингисова» [2]. В первой книге Н. Я. Бичурин описывает события до начала X века, во второй — пишет о начальной истории первых монгольских правителей. В написании истории монголов также заметно влияние О. М. Ковалевского, который придавал большое значение изучению разных ее аспектов, начиная с вопросов о происхождении народов [Ковалевский, 1837] и заканчивая влиянием природно-географической среды на их развитие. О. М. Ковалевский является автором обобщающей работы по истории монголов, охватывающей период с XIII по XIX в. которая, к сожалению, не была опубликована. Рукопись «История монголов» [10] состоит из двух частей: «Введение в историю монголов» и непосредственно «История монголов». Первая часть состоит из семнадцати тетрадей и 149 параграфов, которые включают подробный разбор китайских, тюркских, арабских, монгольских, армянских, европейских источников по истории монголов. «Введение в историю монголов» было завершено в 1843 г. Собственно «История монголов» состоит из 227 параграфов, она была завершена О. М. Ковалевским в 1859 г. «История монголов» охватывает период с 1206 г. по XIX в. и делится, в свою очередь, еще на две части: 1206–1368 гг. — «Монголы владеют Средней Азией и Восточной Европой. Династия Монгол» и 1368–1691 гг. — «со времени изгнания монголов из

¹ Архив ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 151. Л. 45.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 46об.

Китая (1368) до принятия их в подданство китайскими императорами из маньчжурского дома Цин (1691)». В конце рукописи представлена таблица ханов и князей на 7 листах. В основе созданной О. М. Ковалевским периодизации лежала политическая история, но все же он стремился создать не историю монгольских государств и историю походов монгольских ханов, а историю монголов, которую он делил на четыре периода [14, с. 17, 101–102]: 1) от первых монгольских племен до XIII в.; 2) 1206–1368 гг.; 3) 1368–1691 гг. — судьбоносный период в истории Монголии — окончательный распад империи Чингисхана, раздробление Монголии на улусы, образование новых союзов, «боровшихся между собою», что окончательно «истощило все внутренние ресурсы Монголии»; 4) завоевание Монголии маньчжурами. Господство маньчжурского Китая, по мнению О. М. Ковалевского, привело к усилению дифференциации среди монголов, изолировало страну от иностранных государств, а это имело отрицательное влияние на развитие страны.

«История монголов» О. М. Ковалевского, написанная в середине XIX в., стала первым обобщающим трудом по истории этого народа. Работа была написана на богатой источниковой базе, основу которой составляли прежде всего монгольские и тибетские материалы, чем она выгодно отличалась от сочинений Н. Я. Бичурина, который опирался только на китайские источники. Как известно, в силу исторических связей между Монголией и Китаем нарративные источники малообъективны. Большую ценность представляют собственные наблюдения и материал, собранный О. М. Ковалевским в ходе экспедиционных исследований [14, с. 17, 101–102].

Преемственность и традиции, сложившиеся с начала XIX в. в изучении исторического и культурного наследия монгольских народов свидетельствуют о существовании единой, целостной научной школы монголоведения России, в рамках которой в силу исторической обусловленности в разное время ведущую роль играл какой-либо из центров: в первой половине XIX в. — Казань, во второй — Санкт-Петербург, на рубеже XIX–XX вв. — Восточный институт во Владивостоке.

Литература

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 ч. с картою на трёх больших листах. СПб., 1851. 382 с.
2. Бичурин Н. Я. История первых четырёх ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. 455 с.
3. Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873. С. 1–2.
4. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X по XIII век, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб., 1857. 235 с.
5. Васильев В. П. Буддизм. Его догматы, история и литература. Ч. I. Общее обозрение. СПб., 1857. 356 с.; Ч. III. История Буддизма в Индии, сочинение Даранаты: пер. с тиб. СПб., 1869. 312 с.
6. Васильев В. П. О преподавании восточных языков в России // Восточное обозрение, 1886. № 7. С. 7–10; № 8. С. 8–10.

7. Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство АН СССР, 1956. Сб. 2. С. 232–340.
8. Ковалевский О. М. О приобретениях восточных книг и рукописей для библиотеки Казанского университета // Ученые записки Казанского университета. 1834. Кн. 2. С. 260–262.
9. Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета. Казань, 1837. 15 с.
10. Ковалевский О. М. История монголов: рукопись в 2 т. // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 29.
11. Ковалевский О. М. О Забайкальских бурятах // Казанский Вестник. 1829. Ч. 26. Кн. 7. С. 230–245; 1830. Ч. 28, Кн. 1. С. 66–88; Кн. 2. С. 146–157; Кн. 3. С. 283–301.
12. Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1900. Т. XII. Вып. IV. СПб., 1900.
13. Письма Г. Н. Потанина / сост., комментарий А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1990. Т. 4. 417 с.
14. Полянская О. Н. Вклад профессора О. М. Ковалевского в изучение истории и культуры монголоязычных народов Центральной Азии, I-я половина XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2001. 209 с.
15. Полянская О. Н. Переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева как источник по истории монголоведения // Вестник Бурятского госуниверситета. 2015. Вып. 7. С. 130–136.
16. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2016. № 6. С. 106–117.
17. Полянская О. Н. Жизнь, судьба и научное наследие монголоведов России после 1917 г.: А. М. Позднеев (1851–1920) // Тармахановские чтения — I: Российская революция 1917 г.: материалы всерос. науч. конф. (Улан-Удэ, 24–25 октября 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 98–105.
18. Полянская О. Н. История и культура монгольских народов в трудах востоковеда В. П. Васильева (1818–1900) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 4. С. 171–176.
19. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1994. 106 с.